ВАЛЕНТИНА ЛИХО

ТИХАЯ ВОДА

ДНЕВНИКИ ВЕРЫ

РАССКАЗ

ТУМАННЫЙ · ДОРОГА В ИРКУТСК · ИРКУТСК

1995–2010

Валентина Лихо

Дневники Веры

«Автор»
2026

Лихо В.

Дневники Веры / В. Лихо — «Автор», 2026

24 сентября 1995 года молодой врач Вера приезжает на станцию вместе с научной группой. Учёные рассчитывают изучить необъяснимый эффект. Вера записывает наблюдения, следит за спящим пациентом и пытается отделить симптомы от собственного страха. Затем пробы отправляют в Иркутск. В её тетрадях остаётся история исследования, которое закрыли на бумаге, — и людей, для которых оно так и не закончилось.

© Лихо В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дневники Веры 5
Тетрадь первая. Север 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Валентина Лихо
Дневники Веры

Дневники Веры

Рассказ
19 сентября 1995 — 24 апреля 2010
Туманный; дорога в Иркутск; Иркутск

Тетрадь первая. Север

19 сентября 1995 года. Иркутск

Купила эту тетрадь на вокзале. Хотела обычную, в клетку, но остались только с цветами и вот эта — коричневая, без рисунка. Продавщица сказала, что для отчётов берут такую.

Отчёты я буду писать в другой.

В эту можно всё остальное.

Андрей считает, что через неделю мне надоест. Он вообще не понимает, зачем записывать то, что уже случилось, если можно рассказать ему. Я спросила, что делать, когда он не слушает.

Сказал: повторить громче.

В дорогу купили яйца, хлеб и огурцы. Огурцы уже пахнут на всю сумку. Андрей обещал не брать паяльник, но я видела, как он завернул его в полотенце и положил под свитер.

Едем почти на месяц. Мне до сих пор странно, что меня включили в группу.

Владимир Николаевич сказал: нужен врач, который умеет наблюдать и не боится скучной работы.

Я сказала, что умею.

Про скуку ничего не сказала.

До этого дальше Красноярска я не ездила. Север представляю плохо. На фотографиях станции всё серое: бетон, вода, небо. Мама велела взять шерстяные колготки. Андрей смеялся, потом сам положил их в сумку.

У него это получается незаметно: сначала смеётся, потом делает то, о чём я ещё не успела попросить.

Нужно купить открытку и отправить маме уже оттуда.

24 сентября 1995 года. Туманный

В гостинице холодно.

Из-под рамы дует. Я свернула полотенце и положила на подоконник, но оно всё время съезжает. Андрей подложил под него два наших блокнота. Сказал, что наука уже приносит пользу.

Он спит.

Я не могу.

На часах половина второго. За окном темно, только возле входа горит лампа. Под ней женщина с сумкой ждёт, пока ей откроют. Ветер шевелит полы её пальто.

Нам рассказывали, что летом здесь почти не бывает ночи. К нашему приезду полярный день давно закончился.

Станцию увидели с дороги. Вода за ней ровная, тяжёлая. Почему-то ожидала, что будет шумно уже в посёлке. Но шум появился только у проходной.

Нас встретил исполняющий обязанности начальника участка, отвёл в контору. Прежний начальник после летней проверки так и не вернулся. Нам сказали, что помещение подготовили.

В помещении стоят два стола, шкаф без одной дверцы и холодильник, который надо включать через удлинитель. Андрей долго смотрел на удлинитель, потом молча достал паяльник.

Владимир Николаевич спросил, что я думаю.

Я решила, что он о помещении.

Он имел в виду жалобы работников.

Головные боли. Нарушения сна. Ощущение чужого присутствия. Слуховые явления в старой части станции.

В документах последнее названо «неидентифицированными акустическими эффектами».

Спросила, есть ли результаты измерений.

Оказалось, нас для этого и позвали.

25 сентября 1995 года

Павел Андреевич с проходной принёс чайник.

Наш не успели купить.

Он поставил чайник возле розетки и сказал Андрею:

— Этот тоже сначала посмотрите.

Андрей посмотрел. Провод был целый.

Я спросила Павла Андреевича, давно ли люди жалуются.

— На что именно?

Пришлось перечислить.

Он ответил, что раньше жаловались реже.

— Потому что реже слышали?

— Потому что знали, кому рассказывать.

Я записала эту фразу, а он попросил не записывать.

Пришлось показать, как зачёркиваю.

Теперь переписала сюда.

Не знаю, считается ли это обманом.

Первым на осмотр пришёл Семён Иванович Брагин, слесарь. Пятьдесят два года. Давление повышено. Спит по четыре часа, после смены работает у знакомых: ремонтирует насосы, проводку, всё подряд.

Говорит, что в нижней галерее его зовёт сын.

Сын жив. Служит. Письмо пришло на прошлой неделе.

Я спросила, что именно говорит голос.

Семён Иванович посмотрел на дверь.

— Что заблудился.

Спросила, почему решил, что это сын.

Он долго объяснял, что мальчик в детстве не выговаривал одну букву, а потом выучился. Но когда плакал или сердился, иногда опять не получалось.

Я записала: «Узнавание по индивидуальным особенностям речи».

Он прочёл через стол.

— Да не по особенностям. Это мой сын.

27 сентября 1995 года

Первый спуск.

До нижней площадки шли с Борисом, электриком. Он всё время проверял, где мы ставим ноги. На одной ступени сказал мне держаться за левое крепление, за правое нельзя.

Я спросила почему.

Он пошевелил перила.

Больше не спрашивала.

Внизу пахнет мокрым железом. Не так, как возле реки. Вода там почти неподвижная, но гул идёт снизу, будто под нами ещё один зал.

Андрей установил приборы. Владимир Николаевич долго выбирал место для отбора осадка.

Я была уверена, что услышу что-нибудь необычное. Даже приготовилась. Заметила, как напряжённо прислушиваюсь, и рассердилась на себя.

Ничего не услышала.

Только в конце, когда стали собираться, из-за закрытой панели дважды ударили. Потом ещё раз.

Борис сразу сказал:

— Всё, наверх.

Владимир Николаевич попросил подождать.

— Мы закончили, — сказал Борис.

Я никогда не слышала, чтобы сопровождающий говорил с начальником экспедиции таким тоном.

На лестнице Андрей задержался, поправляя сумку. Я обернулась.

Он стоял и смотрел вниз.

Спросила, что случилось.

Сказал: показалось, что там кто-то кашлянул.

29 сентября 1995 года

Ходила в библиотеку за старой картой посёлка.

На стенде лежат записи женщины, собиравшей воспоминания строителей. Елена Серова.

Библиотекарь сказала, что она не успела закончить.

Сначала я подумала: уехала.

Потом поняла, что не стоит спрашивать сразу.

В записях есть разговор с пожилой саамской женщиной. О камне возле воды. Его затопили, когда наполняли водохранилище.

Женщина говорила, что камень был не просто камнем.

Елена спросила, что это значит.

Ответ:

«А дом для вас просто кирпич?»

Мне понравилось. Переписала.

Дальше женщина рассказывала, что туда не ходили без причины. Не шумели. Не приносили чужого.

Я спросила библиотекаря, что значит «чужого».

Она пожала плечами.

— Елена тоже спрашивала.

В расшифровке после этого вопроса пробел.

Владимир Николаевич сказал, что местный фольклор нужно учитывать при оценке внушаемости группы.

Мне стало неловко за то, что я принесла ему эту запись.

Вечером опять прочла её сама.

Почему-то неловкость не прошла.

1 октября 1995 года

Владимир Николаевич сегодня впервые назвал находку живой.

Не на совещании. За обедом.

Сказал:

— Если это подтверждается, мы имеем дело с живой структурой.

Андрей спросил, какой.

— Для того и работаем.

Структура состоит из тонких волокон, которые остаются на металле после снижения уровня воды. При высыхании почти неразличимы. Во влажном состоянии собираются в пучки.

В протоколе написали: «Наблюдается изменение взаимного расположения элементов».

На самом деле Андрей сказал, что они ползут.

Владимир Николаевич не разрешил писать «ползут».

Трудно спорить: мы не установили механизма движения.

Всё же они ползут.

Сегодня положили небольшую часть в отдельную ёмкость. К концу рабочего дня она оказалась на противоположной стенке, выше уровня жидкости.

Андрей показал мне.

Я спросила, не наклонял ли он сосуд.

Обиделся.

Потом наклонил специально.

Волокна остались там же.

3 октября 1995 года

Пришёл Семён Иванович.

Не на приём. Попросил разрешить ему не участвовать в следующем спуске.

Владимир Николаевич сказал, что не распоряжается сменами.

Семён Иванович ответил:

— Начальник говорит, вы просили именно меня.

Это правда. Он лучше остальных знает нижние проходы.

Я предложила оформить отвод по давлению.

Владимир Николаевич посмотрел на меня.

После ухода Брагина сказал, что нельзя смешивать медицинские показания с суеверием.

Я ответила, что давление у него действительно высокое.

Он спросил, почему же я раньше не отводила его от работы.

Хороший вопрос.

Неприятный.

Записала назначение, которое должна была сделать ещё в первый день.

Теперь думаю, не подогнала ли я медицину под жалость.

И почему жалость здесь обязательно должна называться чем-то другим.

5 октября 1995 года

Андрей услышал меня в старой пристройке.

Я в это время была в гостинице.

Он пришёл сердитый. Спросил, зачем я пошла туда одна, если сама всех учу не нарушать правила.

Сначала думала, шутит.

Потом он увидел мокрые волосы и полотенце. Я только что вышла из душа.

Мы сели на кровать.

Он рассказал, что собирал провода, когда я позвала его из-за шкафов.

Не «Андрей».

Я сказала: «Ты мой халат не видел?»

Утром я действительно искала халат. Он висел на двери, с той стороны, куда я не посмотрела.

— Может, кто-то повторил?

— Зачем?

Я не знала.

Он подошёл к шкафам. Голос отодвинулся. Сказал:

— Здесь.

Андрей увидел открытую дверь к лестнице и понял, что дальше идти не хочет.

Именно так: не «испугался», а «не хочет».

Позвал меня ещё раз.

Ответа не было.

На записи с его прибора только шум.

Я уже три раза сказала ему, что в гостинице меня видела администратор.

Он отвечает, что верит.

И всё равно иногда смотрит так, будто ждёт, когда я признаюсь.

7 октября 1995 года

Сегодня я услышала маму.

Не буду писать «голос, похожий на мамин».

Маму.

Я стояла возле холодильника, перекладывала материалы. Из коридора сказали:

— Вер, у тебя спина голая.

С детства терпеть не могу эту фразу. Мама поправляла мне майку даже тогда, когда я уже сама лечила людей.

Я потянула халат вниз.

Только после этого поняла.

В коридоре никого.

Андрей был через два помещения, разговаривал с Борисом. Я пошла к ним и не смогла сразу сказать зачем.

Стояла рядом, пока они обсуждали какую-то муфту.

Борис посмотрел на меня.

— Кого?

Я спросила, что он имеет в виду.

— Кого слышали?

Мне стало стыдно.

За все предыдущие вопросы.

Вечером звонила маме с почты.

Она пожаловалась на цены и спросила, хорошо ли нас кормят.

Потом сказала, что купила мне ночную рубашку.

Я попросила ничего не покупать.

Она обиделась.

Мы поговорили ещё минуту, уже хуже.

Теперь думаю, что потратила настоящий разговор на ерунду.

9 октября 1995 года

Обсуждали возможность общей реакции на условия работы.

Недосыпание. Низкочастотный шум. Постоянная влажность. Ожидание необычного.

Всё это есть.

Ничего не объясняет, почему люди слышат одни и те же фразы в разных местах.

Владимир Николаевич говорит, что мы обмениваемся рассказами и создаём общий словарь.

Предложила на сутки не рассказывать друг другу о содержании услышанного. Записывать отдельно, с указанием времени.

Он согласился.

Андрей сказал, что это похоже на игру.

Я ответила, что хороший опыт иногда похож на игру.

Ночью проснулась от его дыхания.

Он лежал на спине, глаза открыты.

— Ты тоже слышишь? — спросил.

Я слышала, как за стеной кто-то открывает и закрывает ящик.

Он слышал своего отца.

Отец умер семь лет назад.

Я спросила, что тот говорит.

Андрей повернулся ко мне.

— Мы же договорились не рассказывать.

Утром в его записи было: «Не говори Вере. Она опять испугается».

11 октября 1995 года

Я больше не уверена, что наш опыт что-нибудь проверяет.

Возможно, мы просто очень старательно снабжаем это новыми словами.

Написала отдельно:

Не сообщать правильный ответ при проверке.

Андрей говорит, что я делаю вывод раньше наблюдений.

Но сегодня оно ошиблось.

Из-за панели спросило его, купил ли он гвозди. Голос отцовский.

Андрей ответил:

— Для чего?

Оттуда сказали:

— Для полки.

Он рассмеялся. У них дома отец никогда не делал полок. Работал руками плохо, сердился на инструменты. Полки вешала мать.

Андрей так и сказал.

Через некоторое время из-за панели спросили уже голосом матери:

— Ну что, гвозди купил?

Андрей перестал смеяться.

Владимир Николаевич назвал это ассоциативным достраиванием.

Я спросила:

— Чьим?

Он не ответил.

13 октября 1995 года

Приехал Корнеев.

Очень молодой.

Когда его привели, я решила, что это чей-то помощник. Он долго вытирал обувь на входе, потом снял куртку и сам нашёл вешалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.